

В. А. Зверев

ЕЖЕ ПИСАХ, ПИСАХ. СТРАНИЦЫ ОТЗЫВОВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА О ДИССЕРТАЦИЯХ ПО ИСТОРИИ СИБИРИ

Опубликовано: Зверев, В. А. Еже писах, писах : страницы отзывов официального оппонента о диссертациях по истории Сибири / В. А. Зверев // Сибиряки : региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве / отв. ред. Н. Н. Родигина. – Новосибирск : НГПУ, 2009. – С. 13–20.

Есть такой жанр профессионального научного творчества – официальное оппонирование диссертаций. Ученые этим иногда занимаются по поручению того или иного диссертационного совета. Продукт такого творчества – отзыв официального оппонента на диссертацию, будучи «озвученным» во время процедуры защиты, откладывается затем в документации ВАК, диссертационного совета и не становится достоянием широкой научной общественности. Часто это оправданно (ведь бывают, к сожалению, и формальные, и сугубо комплиментарные отзывы), но иногда мне в Новосибирске, например, хотелось бы знать в деталях о том, как коллеги в Иркутске, Тюмени оценили ту или иную актуальную диссертацию, позаимствовать опыт их квалифицированного оппонирования. Да и некоторые из своих отзывов, на которые потрачено немало времени и сил, хочется представить на суд уважаемых специалистов-историков.

В общем, думаю, что имеет право на существование, хотя бы в скромных пределах, такой жанр научных публикаций – отзывы официальных оппонентов. В данном случае я представляю на суд общественности три избранных своих отзыва на диссертации, защищенные в течение последних десяти лет. Труды докторов исторических наук А. Н. Сагайдачного, И. Л. Дамешек, М. К. Чуркина выбраны с учетом их значимости для науки: у них высокий «индекс цитирования», их часто оценивают как пионерные и

важные для определенного направления исследований. Диссертацию А. Н. Сагайдачного я оппонировал в диссертационном совете при Институте истории СО РАН, две другие работы – в совете при Омском государственном педагогическом университете.

При подготовке к печати тексты отзывов мною сокращены. Главным образом, опущены их формальные элементы (заголовки разделов, итоговые выводы о соответствии диссертации требованиям «Положения о порядке присуждения ученых степеней» и др.).

Сагайдачный А. Н. «Демографические процессы в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.». Диссертация ... доктора исторических наук. Выполнена в Институте истории СО РАН, 2000 г.

Диссертация А. Н. Сагайдачного посвящена разработке темы, достаточно актуальной в социальном и научном плане, что хорошо осознается автором. Современное российское общество все пристальнее всматривается в свою историю столетней давности, в противоречивые последствия Великих (Александровских) и Столыпинских реформ. Нынешний этап модернизационных преобразований часто осознается как возвращение на тот путь, что был искусственно прерван политическими потрясениями 1914–1920 гг. Особенности этого пути вызывают пристальный интерес, звучат пристрастные, не всегда аргументированные оценки. Ученые призваны помочь обществу понять, к чему мы «возвращаемся». Следует согласиться с диссертантом, что проблемы исторической демографии входят в число недостаточно изученных вопросов истории Сибири второй половины XIX – начала XX в., для разработки которых в то же время созданы необходимые историографические, методологические и даже технические предпосылки.

А. Н. Сагайдачный начинал разработку избранной темы, будучи представителем той квалифицированной научной школы, что осуществляла комплексные сибиреведческие исследования предреволюционной эпохи под руководством члена-корреспондента РАН Л. М. Горюшкина. Специалистам хорошо известны обстоятельные труды диссертанта по социально-политической истории, истории крестьянства Сибири. Рецензируемая диссертация выросла на почве указанной школы, будучи посвящена изучению вопросов, намеченных и частично разработанных Л. М. Горюшкиным, Е. И. Соловьевой, В. И. Прониным, В. А. Зверевым. В то же время диссертант опирается в своем труде также на продуктивные наработки зарубежных историко-демографов. Среди последних особенно выделяется методика ВИС (восстановления истории семей) Л. Анри, которая доказала свою продуктивность в исследованиях не только зарубежных, но и ряда российских историков.

Автор диссертации провел анализ широкого круга исследовательской литературы, имеющей отношение к его теме, и в целом историографический обзор доказывает возможность и необходимость конкретно-исторического изучения демографии сибирских города и деревни на основе новейших компьютерных технологий и первичных массовых источников делопроизводственного и статистического характера. Однако в историографической части «Введения» следовало бы более четко определить итоговую степень изученности темы: какие вопросы демографического развития Сибири второй половины XIX – начала XX в. уже изучены достаточно глубоко, какие требуют дополнительной проработки и в каком направлении, а какие раньше вовсе не ставились, и почему. Автор этого не сделал, и поэтому место его исследования в круге имеющейся литературы, характер новизны его работы предстают в диссертации и автореферате в несколько неадекватном, размытом виде.

Можно с оговорками согласиться, что «в современном сибиреведении нет достоверных ответов ни на один из важнейших вопросов демографического развития Сибири» (с. 4 диссертации), если речь идет о длительном, непрерывном периоде всего XIX и начала XX в. Но в тех хронологических пределах, что изучает автор, а особенно в более узких границах 1892–1914 гг. как раз на важнейшие демографические вопросы ряд исследователей уже давал свои варианты ответа. В частности, в моих скромных работах можно найти систематизированные фактические данные и теоретические выводы о динамике уровня рождаемости, смертности и естественного прироста в городах и селениях Сибири – как на востоке, так и на западе региона, причем в сравнении с Европейской Россией и империей в целом; об уровне детской и младенческой смертности (в селениях); о количестве детей у брачных крестьянских пар, возрастных пределах реальной детородной активности женщин-крестьянок; о сезонном распределении браков, зачатий и рождений у православного населения; о средней ожидаемой продолжительности жизни сибиряков; о включенности Сибири в начальную стадию демографического перехода с конца XIX в. и т. д. Непонятно, почему диссертант вовсе не использовал некоторые труды, и хронологически, и проблемно заложившие прочную основу изучения народонаселенческих процессов в Сибири. Я имею в виду капитальное двухтомное исследование Б. Н. Миронова «Социальная история России периода империи», демографические аспекты монографии Л. М. Горюшкина «Аграрные отношения в Сибири периода империализма», его же статью «К характеристике народонаселения Сибири периода империализма», несколько очень обстоятельных статей В. И. Пронина, в том числе «Население Сибири за 50 лет (1863–1913)», мою монографию «Дети – отцам замена» и пр.

В связи с этим формулировки реально решаемых задач диссертационного исследования следовало бы уточнить. Автор хочет «рассмотреть демографические процессы и определить все важнейшие

показатели и характеристики ... которые не освещались ранее в исторической литературе» (с. 8). Корректнее же вести речь не о работе «с нуля» по всем позициям, а о решении двух типов задач: 1) о проверке и уточнении на основе привлечения нового круга источников и адекватной методологии тех важных демографических показателей и характеристик, которые уже выявлены другими исследователями; 2) о пилотажной разработке некоторых новых сюжетов, причем без претензии получить выводы, которые можно будет сразу распространить на весь регион Западной Сибири и на весь изучаемый хронологический период.

Уместно было бы уже во введении определить территориальные границы исследования. Из текста не ясно, собирался ли диссертант высчитать новые показатели и характеристики, применимые для всего изучаемого региона. Если нет, то в пределах какой территории, каких типов поселений он собирался получить достоверные выводы? В какой степени и в каком смысле те умозаключения, что планировалось сделать на основе обработки данных по нескольким населенным пунктам, должны были стать репрезентативными для всей Западной Сибири? Следует всячески поддержать стремление автора преодолеть разрыв, существующий сейчас между историко-демографическими исследованиями сельской местности и городской среды Сибири досоветского периода. Соединение городской и сельской проблематики в рамках одной капитальной работы можно считать достаточно новым явлением для исторической демографии Сибири.

Хронологические рамки исследования А. Н. Сагайдачного вполне приемлемы. Их можно обосновать не только традиционными аргументами о периоде «утверждения капитализма», но и более адекватным в данном случае образом: согласно выводам авторитетных историко-демографов, период второй половины XIX – начала XX в., до Первой мировой войны, – время начала демографического перехода, или демографической революции в России (А. Г. Вишневский, Б. Н. Миронов и др.).

Безусловно, самая сильная сторона диссертации – грамотное составление и системный анализ реляционных баз данных о большой совокупности демографических событий и состояний, нашедших отражение в избранном круге первоисточников. Активно применяются приемы методики ВИС, используется сравнительно-исторический метод для сравнения ситуации в конкретных городах и селениях, старожильческих селах и переселенческих поселках. Сочетается методика конкретно-историческая и демографическая. А. Н. Сагайдачный подает пример исследования, междисциплинарного и по характеру поставленных задач, и по методологии их решения. Особо следует отметить, что составление реляционной базы данных и оперирование этими базами в данном случае потребовало квалифицированного владения навыками компьютерного программирования, а также огромных усилий в ходе обработки источников.

В первой главе рецензируемой диссертации автор убедительно показал, что привлечение большого массива метрических церковных книг и первичных похозяйственных бланков Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. многократно расширяет возможности историко-демографического исследования. В диссертации дается анализ новых исследовательских возможностей, объясняется, почему не все они были использованы в данном случае: требуется создание сложных дорогостоящих программ, один исследователь при всем желании не может обработать огромную массу имеющихся документов. Все же в этой главе нужен более обстоятельный анализ степени полноты и достоверности информации метрических книг именно в Сибири и именно в изучаемый период. Известно, например, что при большой площади сибирских церковных приходов, дефиците кадров священнослужителей формальные акты крещения и венчания в деревнях часто запоздало и неполно констатировали фактически гораздо раньше случившиеся реальные события – рождение и вступление в брак.

Церковный учет и административно-полицейская регистрация демографических событий в Сибири в начале изучаемого периода были настолько неполны и слабо достоверны, что обобщенные данные по сибирским губерниям, как и по регионам Кавказа и Средней Азии, не включались в ежегодные публикации данных по Российской империи о рождаемости, брачности, смертности населения в разрезе возраста, сезонности и т. д. Ценность разработки данных метрических книг о причинах смертности резко снижается оттого, что реальные причины скрыты за малосодержательными формулировками: сибиряки умирали «от поноса», «от слабости», «от старости» и т. п.

Кроме того, в первой главе напрашивался анализ степени сохранности первичных демографических источников: по каким местностям Западной Сибири, за какие годы сохранились метрические книги. Без этого «повисают в воздухе» оптимистические утверждения автора о возможности на основе метрических книг вести исследование, претендующее не только на локальное, но и на общерегиональное обобщение. Верно, что «оставшийся корпус метрических книг позволяет провести работу по созданию базы данных по всему Сибирскому региону», но в какой степени эта база будет полна и репрезентативна?

Наконец, в первой главе слабо обоснован выбор городов Туринска, Ялуторовска и Кузнецка, конкретных селений Тарского уезда Тобольской губ. и Змеиногорского уезда Томской губ. для пилотажного исследования. Почему и в какой степени с. Викулово можно считать типичным для русских старожильческих поселений Западной Сибири, а с. Новоалександровское – типичным для переселенческих поселков? Почему взяты три малых города из районов старой колонизации, хотя в городском населении региона численно преобладали жители более крупных и молодых городов?

Хотелось бы оспорить слишком категоричное заявление автора о том, что *только* на базе первичных источников можно исследовать *весь комплекс*

демографических проблем семьи и *все* демографические аспекты процесса воспроизводства населения Западной Сибири изучаемого периода (с. 45). Во-первых, слабая сохранность комплекса метрических книг действительно все актуальные вопросы рассмотреть вряд ли позволит. Во-вторых, при обобщениях регионального уровня, как уже говорилось, многие демографические показатели уже установлены, ряд важнейших тенденций развития выявлен другими исследователями на основе привлечения главным образом вторичных статистических материалов. Думается, что в историко-демографических работах, как и в прочих случаях, наиболее продуктивным является подход, предусматривающий выявление и комплексное использование *всех доступных* источников или репрезентативных *выборок из разных групп* источников, и чем разнообразнее эти группы, тем лучше.

Вторая глава диссертации посвящена характеристике общей людности и внутренней демографической структуры семейного домохозяйства и собственно семейных ячеек городского и сельского населения. Новые источники и методология позволили автору действительно впервые высчитать ряд демографических характеристик. Это распределение семей по количеству в них нуклеарных ячеек (в основе их лежит конкретная брачная пара), по общему количеству членов и др. А вот такой вычисляемый А. Н. Сагайдачным применительно к конкретным населенным пунктам показатель, как средняя людность домохозяйства, большого значения не имеет, поскольку существуют более основательные разработки с обобщениями по губерниям и всему региону.

Третья глава рецензируемой диссертации по замыслу предназначена для выявления и характеристики тех демографических процессов, что протекали в сельской и городской среде. Вникнув в замысел, читатель ожидает от автора последовательного сопоставления нескольких временных срезов демографической структуры, анализа диахронических рядов показателей за многие годы и т. п. Но как раз *процессы, системные*

изменения в тексте представлены слабее всего. Главным образом, характеризуются не процессы, а явления, *статичные состояния* демографической сферы, что само по себе – вещь важная и нужная, однако не вполне отвечающая задачам главы и диссертации в целом. На самом деле, не ясно, как менялись со временем такие показатели, как удельный вес лиц репродуктивного возраста в населении, продолжительность реального периода репродукции у женщин, коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста, распределение смертности сибиряков по ее причинам, ожидаемая продолжительность жизни. Какую периодизацию протекавших изменений можно построить? Чем отличались направленность, динамика, результативность демографических процессов в городах и селениях разного типа? Какие именно проявления и промежуточные итоги демографических процессов могут быть истолкованы не иначе, как индикаторы начавшегося демографического перехода?

Наиболее важным в теоретическом отношении положением в диссертации, на наш взгляд, является вывод о том, что демографические процессы, протекавшие в крестьянской и городской среде Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в., свидетельствуют о наличии наметившейся тенденции перехода от традиционного типа воспроизводства населения к новому, современному типу воспроизводства. Этот вывод действительно вытекает из совокупности привлеченных источников и подкрепляется рядом статистических выкладок. Его нельзя считать абсолютно новым (см. мою статью 1999 г. «Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографического перехода в России»), но он важен, поскольку закрепляет тенденцию рассматривать демографическую историю Сибири в методологическом свете теории демографической транзиции. Хотелось бы все-таки, чтобы автор объяснил, из каких представлений о начале демографического перехода в России он исходит, какую периодизацию, какие объяснения природы этого процесса он

использует. В отечественной литературе наибольший вклад в разработку теории демографического перехода (демографической революции) и в конкретно-историческое его описание применительно к Европейской России досоветского периода сделали А. Г. Вишневский и Б. Н. Миронов, но диссертант почему-то не опирается на их труды. Во всяком случае, итоговый вывод диссертации: демографические процессы в Западной Сибири изучаемого периода «развивались в рамках традиционного, старого типа воспроизводства населения, но уже на завершающем этапе демографического перехода к современному типу воспроизводства населения» (с. 239) нуждается в переосмыслении. Во-первых, он внутренне противоречив, ведь на завершающем этапе перехода, по определению, происходит стабилизация рождаемости и смертности на низком уровне их значений, что не может соответствовать рамкам традиционного типа воспроизводства (он предполагает сочетание высоких уровней рождаемости и смертности). Во-вторых, этот вывод противоречит устоявшемуся мнению специалистов о том, что завершающие этапы демографической трансформации в нашей стране относятся уже ко времени после Великой Отечественной войны.

Следует отметить, что указанные в моем отзыве существенные недостатки диссертационного исследования А. Н. Сагайдачного все же не определяют основные характеристики данной работы и опубликованных ранее трудов соискателя. Практическая ценность исследования состоит в том, что его фактологические выкладки и теоретические положения могут быть использованы при дальнейшем исследовании проблем региональной истории Сибири и отечественной истории в целом, при создании обобщающих трудов по демографической истории России. Они уже находят отражение в общих и специальных учебных курсах по истории Сибири и основам демографии, которые специалисты читают в университетах нашего региона. Докторский уровень диссертации определяется, прежде всего, тем,

что она открывает новую линию, новое направление историко-демографических исследований: изучение региональных и локальных поселенческих аспектов демографической ситуации и демографических процессов в условиях досоветской России на основе создания возможно более полных баз данных, извлеченных из метрических книг и первичных материалов учета городского и сельского населения.

Дамешек И. Л. «Сибирь в российском имперском регионализме (1822–1917 гг.)». Диссертация ... доктора исторических наук. Выполнена в Иркутском государственном педагогическом университете, 2006 г.

Несомненны научная и общественная значимость избранной диссертанткой темы исследования. В исторической науке до сих пор не имелось капитальных трудов, которые характеризовали бы в сравнительном плане имперскую политику России XIX – начала XX в. по отношению к обширным окраинным регионам – Сибири, Польше, Финляндии, Кавказу и др. Диссертация И. Л. Дамешек призвана заложить основы для подобного исследования, инициировать развитие соответствующего направления в отечественной истории, в частности, в таких ее разделах, как империология, историческая регионалистика.

Общественная значимость темы проявляется в том, что ее разработка помогает оценить, с одной стороны, происшедшие в России новейшего времени перемены во взаимоотношениях центральных властных структур и региональных органов управления, столичных и провинциальных политических и культурных элит, с другой же стороны – осознать исторические корни имеющихся и сегодня острых проблем во взаимоотношениях центра и окраинных регионов. Учет исторического опыта разработки и осуществления региональной политики в досоветской России призван помочь в многотрудном деле выработки концептуальных основ

региональной политики нового демократического и действительно федеративного государства.

Работа И. Л. Дамешек имеет достаточно прочную и современную методологическую базу в виде внутренне непротиворечивого комплекса общих принципов и научных подходов к теме, а также конкретных общенаучных и собственно исторических методов, выбранных адекватно поставленным задачам и адаптированным к особенностям привлеченных источников. Собственное «лицо» диссертации определило применение компаративистской методики, которая позволила автору выявить как общие, так и некоторые особые черты имперской региональной политики применительно к Сибири. К последним автор обоснованно относит проведение на востоке страны активной колониционной социально-экономической политики; сохранение здесь в течение долгого времени порядков, заложенных в «Учреждении для управления сибирских губерний» М. М. Сперанского и основанных на компромиссе интересов имперской власти и региона; важную роль управления каторгой и ссылкой как специфической функции местных институтов государственной власти.

В диссертации содержатся теоретические положения и выводы, которые хорошо обоснованы фактическим материалом и логической аргументацией автора. К числу таких положений, которые и определяют научное значение рецензируемой диссертации, следует отнести выводы:

– о непоследовательности и противоречивости окраинной политики российского правительства, обусловленной постоянной борьбой в правительственных сферах между сторонниками жесткой унификации управления окраинами и приверженцами особого статуса окраинных территорий;

– о главном последствии этой непоследовательности и противоречивости – сочетании в окраинной политике российского правительства централизаторских стремлений и «автономистских»

тенденций, предусматривающих сохранение региональных особенностей в политико-административной сфере;

– о сосуществовании нескольких вариантов (автор иногда называет их моделями, типами) системы управления различными окраинами в составе Российской империи XIX – начала XX в.: автономии политической и административной, «военно-народного управления», полной административно-правовой инкорпорации окраины в империю;

– о наличии генеральной тенденции в ходе эволюции в изучаемую эпоху региональной политики правительства: она менялась в сторону ужесточения «имперского» курса, что выразилось в неудавшемся, впрочем, повсеместном распространении общероссийской стандартизированной системы управления окраинами;

– о сибирских реформах М. М. Сперанского, правительственных комитетах по управлению конкретными регионами (Сибирь, Польша, Кавказ), институте генерал-губернаторов как практических воплощениях регионалистских тенденций в политике имперского правительства.

В диссертации имеется немало и других интересных, важных и обоснованных, но более частных положений. В то же время некоторые выводы выглядят недостаточно хорошо продуманными, или неясно сформулированными, или нуждающимися в дополнительных разъяснениях и аргументации.

Так, один из итоговых, генеральных выводов диссертации гласит, что «именно стремление к унификации (то есть исключительно субъективный фактор – политические устремления части имперской властной элиты. – В.З.) породило поливариантность российской модели управления окраинами и, в конечном итоге, обеспечивало присутствие в политике элементов имперского регионализма» (с. 436). В выводах по второй главе автор выражает свою мысль совсем по-иному: «... именно сложность этой задачи (поиска оптимальной модели взаимоотношений центра и окраин. – В.З.),

обусловленная различными геополитическими, международными и иными факторами, порождает поливариантность управления и административного устройства окраин империи» (с. 222). И та, и другая формулировка, по-видимому, не учитывают положений, высказанных в других местах диссертации – о том, что указанная поливариантность была необходимой в силу объективно существовавших различий между окраинами в обстоятельствах и времени их вхождения в состав России, в уровне экономического, социально-политического и культурного развития, в стратегическом значении для империи, в этническом составе населения. В итоге в диссертации нет определенного ответа на вопрос о соотношении конкретных объективных и субъективных условий и факторов, определивших общие и особенные черты политики правительства по управлению различными окраинами Российской империи.

Название диссертации, формулировка объекта исследования, ряд сделанных автором ключевых теоретических выводов содержат понятие «имперский регионализм». Но определения этого понятия в диссертации нет. По тексту часто «имперский» трактуется как централизаторский, унифицирующий, а «региональный» – как децентрализаторский, автономистский. Но тогда как правильно понимать внутренне противоречивое выражение «имперский регионализм»? «Регионализм» – это административная политика царизма на окраинах империи (синонимы, употребляемые автором – окраинное управление, региональная политика), или это учет региональных особенностей окраин во внутренней политике (синонимы – региональные тенденции, региональные мотивы), или что-то еще? Отсутствие понятийной четкости затрудняет адекватное восприятие и оценку и ряда других положений автора. Кроме того, текст диссертации (а также автореферата) не лишен понятийно и стилистически небрежных положений. Вот только два примера такого рода: «исследование ... исследует политику имперского регионализма» (с. 54), Финляндия и Польша имели

«более высокий (по сравнению с империей) уровень социально-экономического развития ... в том числе наличие представительных органов власти» (с. 114).

Рецензируемое исследование основано на обширном круге архивных и опубликованных исторических источников разного вида, которые в основном обеспечивают возможность решения поставленных непростых задач. Однако представляется, что научный уровень диссертации повысился бы, если бы автор использовал отчеты министерств и отраслевых ведомств Российской империи (в том числе Министерства внутренних дел, Министерства финансов и др.). Полное собрание законов Российской империи при анализе политики царизма в отношении восточных окраин страны востребовано автором только за время до 1852 г. (см. с. 80), хотя оно содержит необходимые материалы и более позднего периода, вплоть до 1916 г. В то же время избыточным, слабо связанным с целью и задачами диссертации выглядит привлечение статистических источников демографического характера (численность, основные параметры сословной и этнической структуры населения Сибири уже являлись объектами изучения, и можно было воспользоваться имеющимися в науке выводами), а также детальных сведений из формулярных списков представителей генерал-губернаторского и губернаторского корпуса Сибири. Что дают для определения места и роли Сибири в имперской региональной политике, например, воспроизведенные в диссертации детальные сведения о всех источниках доходов и размерах жалованья представителей региональной властной элиты (с. 331–334, 381)?

Рецензируемое исследование позволяет лучше понять процесс инкорпорации различных окраинных территорий в систему социально-экономических, административно-политических и иных связей в Российской империи XIX – начала XX в., оценить общие и особенные черты этого процесса (глубже всего, в соответствии с замыслом работы, это сделано применительно к Сибири), его противоречивые результаты, достигнутые к

1917 г. К сожалению, историографический обзор в первой главе не содержит четких выводов (ни промежуточных – по каждой из трех групп привлеченной исследовательской литературы, ни итоговых) о степени изученности избранной темы диссертации, о созданной предшественниками теоретической базе. Сказано лишь, что были достигнуты «определенные успехи в изучении имперской окраинной политики в отдельных регионах страны», и далее – перечисляются некоторые недостатки имеющейся литературы (с. 76). Это затрудняет определение степени научной новизны и теоретического значения исследования И. Л. Дамешек.

Оформление диссертации в основном соответствует требованиям, установленным Министерством образования и науки РФ, хотя не лишено серьезных погрешностей. В тексте имеются не исправленные грамматические ошибки, библиографические описания в списке использованных источников и литературы не содержат некоторых необходимых элементов (названий издательств и издающих организаций, количества страниц в книгах), не учтены новые правила библиографических описаний, введенные ГОСТом 7.1-2003.

Чуркин М. К. «Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX в.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации». Диссертация ... доктора исторических наук. Выполнена в Омском государственном педагогическом университете, 2007 г.

Диссертация М. К. Чуркина имеет неординарный замысел: автор решил выяснить конфигурацию тех факторов, которые определяли миграционную мобильность на родине и адаптационное поведение на новых местах для крестьян черноземного центра Европейской России, переселявшихся во второй половине XIX – начале XX столетия в Западную Сибирь. Замысел

предполагал также создание сопоставительной характеристики воздействия этих факторов. Учитывая существующую «нестыковку» проблематики в исследованиях по истории крестьянства Европейской России и Сибири, замысел, воплощенный в названии темы, обоснованный во «Введении» и последовательно реализованный в диссертационном исследовании, следует признать достаточно актуальным в научном отношении. До сих пор слишком часто обстановка в местах выхода аграрных мигрантов, сам процесс переселения и обстоятельства обустройства новоселов «на земельном просторе» в Сибири искусственно бывали оторваны друг от друга, не описывались как стадии одного явления. Научная актуальность темы исследования определяется также необходимостью утверждения в конкретных исследованиях многофакторного подхода к объяснению исторического процесса, который, будучи бесконечно сложным, не может быть производным только от политических, экономических, природных или каких-либо еще детерминант.

Основное достоинство диссертации – междисциплинарный и комплексный подход, позволяющий взглянуть на крестьянские переселения с разных профессиональных точек зрения (история, география, экономика, психология); увидеть их на различных этапах, от складывания миграционных намерений до устройства на новых местах или обратного переселения; попытаться понять их детерминацию как на массовом, так и на индивидуальном уровне. Хорошо, что природно-географические, социально-экономические, социально-психологические условия, факторы и поводы миграционного движения диссертант стремится рассматривать во взаимосвязи друг с другом. Привлекает в диссертации также неплохое знание и уместное использование исследовательской литературы по теме переселенческого движения в Сибирь и смежным проблемам; использование хотя и не исчерпывающего, но достаточно обширного круга источников, в том числе материалов из нескольких областных архивов европейского центра

России, которые, к сожалению, редко востребуются историками-сибироведами. Наряду с новыми, достоверными и теоретически значимыми выводами, работа М. К. Чуркина содержит немало нового и интересного фактического материала о крестьянских переселениях в Западную Сибирь.

Вместе с тем, оппонируемая диссертация имеет существенные недостатки, главные из которых суть следующие.

1) В комплекс детерминирующих факторов миграционной мобильности и адаптации, судя по формулировкам гипотезы исследования (с. 40) и его научной новизны (с. 47–48), по структуре первой и третьей главы, по генеральным выводам, помещенным в «Заключении», автор не включает *фактор политико-административный*. Между тем многочисленными исследованиями предшественников доказано, что аграрная, переселенческая и колонизационная политика правительства, деятельность или бездействие администрации низового уровня по регламентации переселений играли огромную роль в изучаемый автором период. Нельзя сказать, что М. К. Чуркин полностью игнорирует влияние правительственной переселенческой политики и колонизационных мероприятий государства – этому сюжету специально посвящена вторая глава, в ней решается одна из задач диссертации, но и эта задача, и содержание главы не выглядят органично интегрированными в текст.

2) В диссертации не найдено достойного места и *демографическому фактору* миграционной мобильности и адаптации. В первой главе, посвященной ситуации в центрально-черноземном районе выхода потенциальных мигрантов, его анализ в некоторой мере был предусмотрен во втором параграфе «Экономико-демографическая специфика развития сельского хозяйства...». В третьей же главе, посвященной обустройству новоселов в Западной Сибири, демографический фактор адаптации не присутствует вовсе. Между тем, наличие этого фактора и некоторые конкретные формы его воздействия отмечены в литературе (см., например,

мою работу «Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма»). Авторы конца XIX в. (А. А. Кауфман, С. В. Соколов и др.) даже дискутировали вопрос о том, что лучше обеспечивает успех обустройства на новых местах – достаточное количество денежных средств, принесенных с родины, или благоприятный рабочий состав переселенческой семьи.

3) Имеется ряд не вполне адекватных оценок вклада ученых-предшественников в разработку значимых для темы диссертации сюжетов. Мне представляется, что изучение современными историками «различных аспектов аграрных отношений в пореформенной России» стало возможным не только «под непосредственным влиянием выводов западноевропейского историко-экономического направления историографии», как пишет автор (с. 29), но и на базе несомненных достижений отечественной исторической науки предшествующих периодов. О. Н. Шелегина отнюдь не первая обратила внимание на факт существования в Сибири комплексов материальной культуры, соответствовавших природно-климатическим особенностям территории и образу жизни населения (с. 14) – это было аксиомой уже для этнографов второй половины XIX – начала XX в. В трудах А. Н. Сагайдачного мы найдем описание статичного состояния некоторых элементов демографии Западной Сибири, но (несмотря на названия этих трудов) вовсе не характеристику демографических процессов в регионе (с. 32). Не повезло историкам из Центрального Черноземья С. А. Есикову и О. Г. Вронскому. Диссертант сначала пишет о том, что в круг их интересов «проблемы миграций земледельческого населения ... либо не входили совсем, либо были представлены в виде простой констатации факта переселений и дополнены краткими статистическими сведениями о числе крестьян, вышедших на переселение...» (с. 11). Затем автор, по-видимому, себя опровергает: С. А. Есиковым «исследованы миграционные потоки из различных уездов Тамбовской губ. в период с 1861 по 1905 г.», «дана

подробная оценка результатов выселений с точки зрения экономического положения крестьян»; он и О. Г. Вронский «пришли к общему (и важному, судя по контексту. – В. З.) выводу, согласно которому перемещения крестьян, вызванные деструктивными процессами в аграрном секторе экономики Черноземья, не способны были решить проблем аграрного перенаселения старопахотных губерний» (с. 30–31 диссертации, с. 13 автореферата).

4) В источниковедческой базе имеются обидные упущения – опубликованные комплексы источников (материалы массовых статистико-экономических обследований крестьянского хозяйства Западной Сибири рубежа 1880–1890-х гг., «Обзоры», «Памятные книжки», «Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности» губерний Центрального Черноземья и Западной Сибири, конкретные периодические издания) не взяты в полном наборе. Статистические публикации М. Кашкарова, В. Долженкова, И. Вернера и других, сделанные в 1880-х – первой половине 1890-х гг., неправоммерно характеризуются как работы, «базировавшиеся на материалах всероссийской переписи» населения 1897 г. (с. 59). Тексты, включенные в группу работ «непосредственных участников колонизации и освоения Сибири из народных низов» (с. 62) не соответствуют территориальным рамкам диссертации, при этом «статьи и заметки» И. Е. Белякова – нонсенс, историки знают только одно его письмо, опубликованное в журнале «Русское богатство».

Однако имеющиеся недостатки и упущения не определяют общую оценку исследования М. К. Чуркина. Рецензируемая диссертация является научно-квалификационной работой приемлемого уровня. В ней на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как новое крупное научное достижение в области истории России.